

А, мы все же получаем результат в теснейшей зависимости от того, чем являлось это N с самого начала. Смысловая энергия числа потому и конструирует его как живую и конкретно функционирующую индивидуальность смысла.

Это и все, что может сказать логика по поводу числа «десять». Разумеется, этим не определена сама десятка, а определены лишь те категории, без которых она не может осуществиться. Но такова задача логики: вскрыть все категории, без которых немислим данный предмет. Как только это сделано, ее функции кончаются. Определить же десять как десять, как именно эту абсолютную единичность не может ни логика, ни вообще какая-нибудь другая наука, оперирующая логическими категориями. Эта абсолютная индивидуальность вещи совершенно неопределима по самому своему существу, поскольку она, как сказано, не состоит ни из каких частей и признаков, которые бы ее характеризовали. Этот перво-акт, проявивший себя в числе «десять» в виде десяти полаганий, так же неопределим, как неопределим он и сам по себе, вне всяких своих полаганий. Задаваясь вопросом о существовании числа «десять» вне всяких его «частей», т. е. прежде всего вне этих десяти единиц-полаганий, из которых оно «состоит», мы ведь задаемся, в сущности, вопросом о том, что такое сам перво-акт. Но он сам по себе неопределим, ибо неопределимость и сверх-оформленность, неразличенность числа в числах и есть этот самый перво-акт, перво-полагание. Поэтому определять перво-акт, сам ли по себе, в его ли функциях в отдельных числах,—это значит задаваться нелепой задачей. Нельзя определить красный свет путем комбинаций определенных категорий. Но мы должны решить другой вопрос: что нужно для того, чтобы в нашей мысли осуществилось число «десять» или тот же красный цвет? Этот вопрос не только разрешим, но он-то и является основным вопросом всякой философии.

Эти категории, необходимые для мыслимости, т. е. для смыслового осуществления, числа 10, мы и нашли в предложенном только что рассуждении.

§ 26. Диалектика различия, тождества, движения и покоя в числе.

Можно так формулировать полученный до сих пор результат: число есть ставшее становление акта смысло-

вого перво-полагания. Момент «ставшего» можно (не без опасности нарушения диалектической ясности) заменить через «результат», а становление можно взять с той насыщенностью, которая свойственна ему ввиду действия здесь перво-полагания, заменяя моменты становления и перво-полагания через «самоопределяющуюся энергию». Тогда можно сказать так: *число есть ставший результат самоопределяющейся энергии акта смыслового полагания*. Или, подчеркивая актный (а не содержательный) характер числа, можно сказать: *число [есть] ставший результат энергии самосозидания акта смыслового полагания*.

В таком виде можно было бы представить то, что выше, в § 19, мы обозначили тремя первыми пунктами. Разумеется, «нечто» для числа есть не что иное, как перво-полагание, а «это» для числа есть реальный акт полагания, «иное» же — инобытие, которое перво-акт создает для своего осуществления. Но там мы нашли еще четыре момента в числе, и их надлежит сейчас привести в полную диалектическую ясность. Что же это за моменты и какое их подлинное место в последней диалектической формуле числа?

Место категорий различия, тождества, покоя и движения, очевидно, не в первом моменте, который, как абсолютная неразличимость, есть полная над-категориальность, и не в третьем моменте, потому что становление уже их предполагает и развивается только при их условии. Очевидно, место их во втором диалектическом моменте, там, где происходит первое различие между полаганием и отрицанием, где впервые, собственно, и зарождается оформленный смысл, так как первый момент — выше всякого оформления, а третий есть переход этого оформления еще в новую стадию. Поэтому то, что можно сказать об указанных категориях, нужно отнести к характеристике смысловой области, участвующей в числе; или, другими словами, это будет лишь более подробное выражение, чем в выведенной выше формуле слова «смысловое полагание».

В самом деле, впервые с полаганием перво-акта возникает *отличие* полагаемого от всего иного. Полагаемое «это» или «одно», т. е. полагаемый акт, вступает в сложное взаимоотношение с инобытием, со своим собственным отрицанием. И если бы мы сумели найти соответст-

вующее выражение этого взаимоотношения, то этим самым мы получили бы обстоятельную картину смысла, как он действует в логической конструкции числа.

«Это», если оно положено, утверждено, оно, конечно, должно быть *тождественно с самим собою*. Если полагаемый акт не есть он сам, то, значит, он еще не положен. С другой стороны, также ясно, что положенный акт должен быть *отличен со всяким своим инобытием*. Это тоже такое очевидное условие для существования акта, что оно не нуждается ни в каких расчленениях и доказательствах. Итак, положенное «одно» прежде всего тождественно с собою и отлично от иного. Но диалектика показывает, что это же самое «одно» в то же самое время еще и *различно с самим собою и тождественно с иным*. Можно по-разному формулировать доказательство этих двух последних тезисов, что и делается в общей диалектике. Но мы приведем здесь лишь самые необходимые соображения.

Почему «одно» различно с самим собою, отличается от самого себя? Мы говорили: «число есть число», «акт есть акт», «одно есть одно», «это есть это» и пр. Допустим, что одно ничем не отличается от одного же. Тогда суждение «одно есть одно» совершенно бессмысленно и в крайнем случае является только тавтологией. Тем не менее суждение это полно для нас смысла, так как впервые только с возникновением этого суждения образуется возможность самоопределения для одного. Это суждение *действительно* определяет одно как таковое, не-положенный и до-полагаемый акт как таковой; и без него первоакт остается лишенным какого бы то ни было признака. Итак, суждение «одно есть одно» есть реальное определение одного. Следовательно, одно отлично от одного, т. е. от самого себя. Одно как субъект отлично от одного как предмета. Другими словами, одно отлично от самого себя *потому*, что оно *тождественно с самим собою*. Произнося «одно есть одно», мы сразу и одновременно признаем и то, что одно тождественно с самим собою (в силу смысла самого этого суждения), и то, что одно отлично от самого себя (в силу фактической возможности такого суждения). Можно тут возражать, указывая на то, что тождество и различие чего-нибудь с самим собою понимается в разных смыслах, что одно тождественно с собою по смыслу своему, а различно по фактическому

полаганию, как если бы мы, напр., утверждали: «Это одно как *одно* есть одно вообще, а это одно как *это* одно отлично от одного вообще». Однако мы уже отвергли (§ 3) возможность такого возражения. Если признать, что одно тождественно и различно с чем-нибудь (а в том числе и с самим собою) в *разных* отношениях, то это приводит к расслоению одного на бесконечно мелкую, абсолютно неразличимую пыль неизвестно чего, приводит к утере самого предмета определения. Поэтому с точки зрения диалектики необходимо, чтобы *утверждаемый акт был и тождествен, и различен с самим собою в одном и том же отношении*. Правда, диалектически это предполагает, что он тождествен и различен с самим собою еще и в разных отношениях. Однако формально-логические навыки человеческого ума делают последнее понятным без всяких разъяснений, а первое требует для себя особых доказательств.

Различие акта с самим собою явствует еще из того простого факта, что акт, как и вообще всякий предмет мысли или вообще всякая вещь, всегда есть прежде всего нечто *вообще* и нечто *в частности*. Это дерево есть, во-первых, дерево *вообще*, а во-вторых, именно *это* дерево. Различие дерева с самим собою обеспечивает ему конкретное его содержание. Конкретное содержание данного предмета, конечно, отлично от того, чем данный предмет является вообще. Вскрытие предмета по его конкретному содержанию, т. е. вскрытие его в процессе его выявления и становления, и есть диалектический синтез этого противоречия: «одно тождественно с собою» и «одно отлично от себя». Диалектический синтез этой антитезы гласит: «одно есть становящееся одно». Ибо становление — это вообще дальнейшая категория за бытийными (смысловыми) категориями.

Точно так же необходимо признать, что одно не только различно с иным, но и *тождественно с иным*. Акт полагания не только отличен от не-полагания, от отрицания полагания, но и тождествен с ним, т. е. акт полагания есть акт отрицания, акт отрицания есть акт полагания. Почему? Одно тождественно с одним, но иное тоже есть некое одно. Если иное не есть что-нибудь, оно — ничто. Однако если оно — ничто, тогда одно ни от чего не отличается и, следовательно, никакого одного нет. Итак, иное есть и, значит, оно есть нечто, т. е. некое одно. Но

одно тождественно с одним же. Следовательно, одно тождественно с иным. Можно сказать еще и так. Одно отлично от иного, иное же отлично от одного. Момент взаиморазличия одинаково присущ одному и иному, в этом они тождественны. Но момент этого взаиморазличия впервые только и создает и само одно, и само иное, ибо только с проведением границы между ними возникают они сами. Следовательно, одно и иное вообще тождественны между собою. Поэтому если одно различно с собою потому, что оно тождественно с собою, то с иным оно тождественно потому, что оно с ним различно. И тут также существует свое синтетическое примирение этой кричащей антиномии: «одно различно с иным» и «одно тождественно с иным». Этот синтез гласит, что *«одно есть становящееся иное»*. Только в прошлом случае, когда шла речь о тождестве и различии одного с самим собою, становление вскрывало внутреннее содержание одного, и его можно было бы назвать внутренним содержанием, внутренним инобытием одного; здесь же, в случае различия и тождества одного с иным, вскрывается внешнее инобытие одного, огибание по внешней границе, протекание инобытия вокруг одного. Другими словами, если объединить оба эти синтеза, внутреннее и внешнее становление, то мы получаем необходимость *границы* между одним и иным, в которой и сливаются тождество и различие одного и иного.

Итак, акт полагания, или акт утверждения, не только тождествен с самим собою, но и различен с собою,—отсюда вытекает возможность его внутреннего дробления и, следовательно, появления новых полаганий; и он, кроме того, не только отличен от акта отрицания, но и тождествен с ним,—отсюда вытекает его выходение за свои границы и, следовательно, тоже возможность новых полаганий.

Точно так же, как в категории тождества и различия, оказывается необходимым для конструкции акта полагания *движение и покой*. Чтобы после первого акта положить второй акт, нужно движение; тут мало одного отвлеченного различия. Но даже и для первого полагания необходимо движение, так как одной отвлеченной значимости акта полагания мало для того, чтобы этот акт реально осуществился. Итак, необходимо движение, которое не есть ни различие, ни тождество, но совершенно

особая, специфическая категория. Так же и — покой. Число требует не только ряда переходов от одной единицы к другой, но и остановок этого движения, покоя. Представим себе, что все в числе движется. Это значило бы, что в числе не было бы ни одной устойчивой точки и число совсем не представляло бы собою чего-нибудь определенного. Движение и покой — это то, без чего число не может и осуществиться. Относительно движения и покоя диалектика также выдвигает ряд антиномий, абсолютно необходимых как в своих тезисах, так и в своих антитезисах.

Одно покоится в себе. Это не требует пояснений. Раз одно находится там, где оно находится, и акт полагания осуществляется там именно, где он осуществляется, то ясно, что одно покоится в себе и акт полагания покоится сам в себе. Но положенный акт есть нечто ограниченное, так как положить — значит прежде всего ограничить, и потом он есть нечто целое. Целое же присутствует не в одной только своей части, но во всех своих частях, обнимает все свои части; и, значит, чтобы судить о нем при помощи его частей, надо его наблюдать, переходя от части к части. Следовательно, акт полагания не только покоится в себе, но и движется в себе. С другой стороны, ясно, что акт утверждается в том, что не есть он; для него нужно, как мы уже много раз видели, инобытие, в сфере которого и совершается полагание акта. Итак, акт полагает себя, *покоится* в ином. Но акт полагания также и *движется* в ином. В самом деле, акт находится в ином, покоится в ином; но чтобы обойти все части этого акта, т. е. чтобы взять акт как целое, надо двигаться в ином. Итак, *акт полагания движется и покоится и в себе самом, и в ином.*

Нетрудно видеть и синтез, примиряющий эти антиномии. Примирение происходит, как и для всех бытийных категорий, на почве категории *становления*. То, что акт полагания покоится в себе и одновременно движется в себе, примиряется в том, что акт полагания есть нечто *целое*, ибо для целого как раз надо, чтобы оно одновременно и находилось в самом себе, и двигалось по самому себе. То, что полагание покоится в ином и одновременно движется в ином, синтезируется также в то, что акт есть целое, но целое, обозреваемое с внешней стороны, т. е. цельность границы. Оба синтеза, как синтез тождества

и различия, предполагают *границу*, появляющуюся в результате полагания акта.

Таково диалектическое значение четырех категорий, указанных нами в § 3 настоящей главы.

§ 27. Формула понятия числа.

Предыдущее изложение, равно как и учение общей диалектики, достаточно ясно показывает, что категории тождества и различия, равно как и категории покоя и движения, являются самыми необходимыми категориями, сопровождающими реальный акт полагания. Полагание возможно только в окружении этих четырех категорий и без них немыслимо. Если нет акта полагания, то нет и этих категорий, а как только возникает этот акт, так тут же одновременно вместе с ним появляются и эти четыре категории, тождественные с ним до полной абсолютности и различные с ним также до полной абсолютности. Акт полагания вместе с этими категориями тождества, различия, покоя и движения и есть *та сфера смысла, где зарождается и конструируется число*. Смысл числа, смысловая конструкция невозможны без этих категорий.

Можно прибегнуть к некоторому словоупотреблению ради удобства формулы общего понятия числа. Тождество и различие, как мы видим, суть тождество и различие в смысле полной и абсолютной взаимозаменяемости. С точки зрения диалектики тождество есть различие и различие есть тождество. А так как они, кроме того, еще и различны по тому же абсолютному закону диалектики, то можно эти две категории объединить в одну, наименовавши ее *самотождественным различием* или *саморазличным тождеством*. Точно так же и диалектическое движение совершенно тождественно с покоем, а покой—с движением. И потому удобно назвать эту общую категорию *подвижным покоем* или *покойным движением*. Вместе же все эти четыре категории можно назвать сразу *подвижным покоем самотождественного различия* или *самотождественным различием подвижного покоя*. Вместе с полаганием, с актом полагания общая смысловая сфера числа может быть, следовательно, охарактеризована как *акт подвижного покоя самотождественного различия*. Тут, стало быть, имеется в виду мысленный акт полагания (независимый тут, как мы знаем, от содержания того, что полагается) и проникнутость этого